ДОСТОПАМЯТНЫЙ БРАКЪ
ЦАРЯ
ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА
ГРОЗНАГО.

ДОСТОПАМЯТНЫЙ БРАКЪ
ЦАРЯ
ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО.

Историческая повѣсть.

ВЗЯТАЯ ИЗЪ ДРЕВНЯГО НОВОГОРОДСКАГО ПРЕДАНІЯ.

Николаемъ Ѳоминымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Въ типографіи Конрада Вингебера.
1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

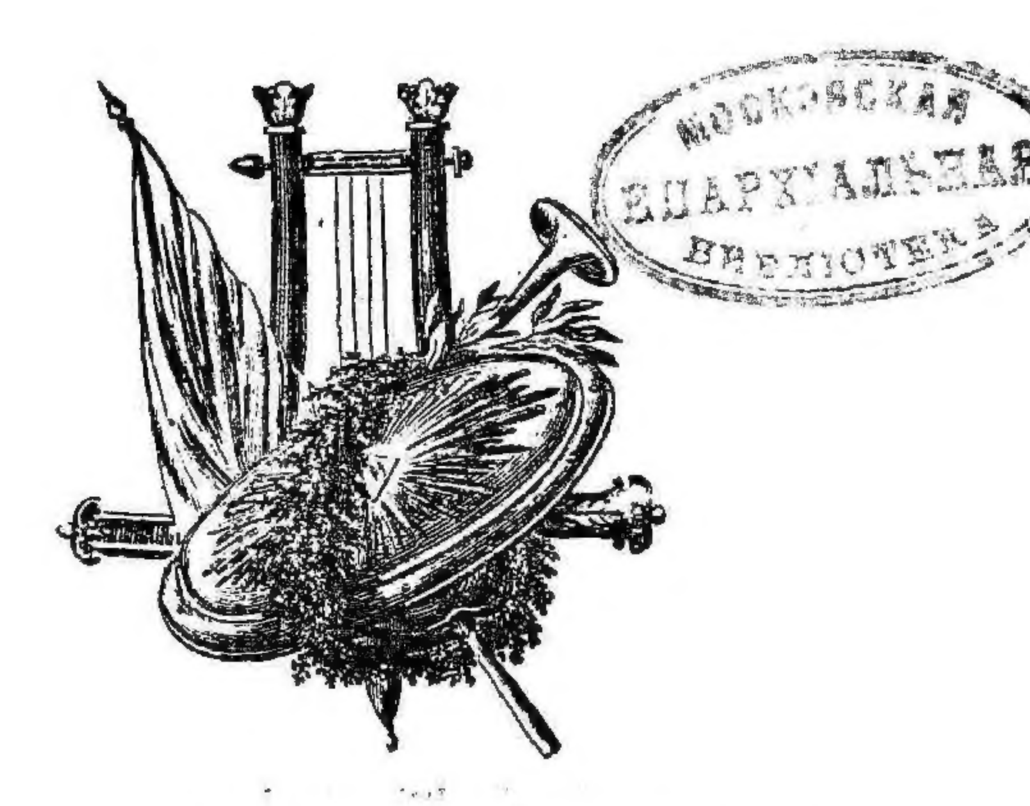
С. Петербургъ, 23 Декабря 1833 года.

Ценсоръ В. Семеновъ.

СЫНАМЪ СВЯТОЙ РОДИНЫ.

Что пальма, что вѣнецъ лавровый,
Что обелискъ и мавзолей? . . .
Дробитъ ихъ въ прахѣ Хронъ суровый,
Подъ сильною пятой своей.
Какъ метеоръ въ зыбяхъ эѳира,
Такъ слава изчезаетъ міра
Въ туманной дальности временъ! . . .
И что сіять въ ней можетъ вѣчно?
Кто свяжетъ время быстротечно,
И воскрылитъ къ безсмертью тлѣнъ!...

ДОСТОПАМЯТНЫЙ БРАКЪ ЦАРЯ ІОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ГРОЗНАГО.

. . . . Заплачу
Дань старинѣ ——— и ворочу
Давнымъ давно былые годы . .

Въ то время когда еще Новгородъ назывался Великимъ (*) и заключалъ самъ всѣ до-

(*) 1569 года, въ царствованіе Ивана Васильевича Грознаго.

говоры съ Королями Шведскими; въ то время еще все въ немъ напоминало прежнее владычество и величіе Республики — и остатокъ довольствія, и домъ Ярославовъ, и врата храма Святыя Софіи. Умолкъ вѣчевой колоколъ, но еще съ гордостію указывалъ Новогородецъ то мѣсто, гдѣ висѣлъ оный.

Если вѣрить преданіямъ, то Великій Князь Иванъ Васильевичь, въ слѣдъ за увозомъ въ Москву Вѣчеваго колокола, далъ повелѣніе разрушить и его башню; — обстоятельство, не подтверждаемое свидѣтельствами современныхъ лѣтописей, но не менѣе того достойное вѣроятія. Славное Новогородское *Вѣче* сбиралось не далеко отъ дворца Ярославова. Названіе *Вѣче* производятъ отъ слова вѣщать, и оное означаетъ народное собраніе для совѣта. Здѣсь рѣшались всѣ важныя, иногда и неважныя, дѣла бывшаго Новгорода, и мнѣніе народа было непоколебимымъ приговоромъ. Сюда сбирались Князья, и Сановники и весь народъ Новогородскій. —

На вѣчевыхъ собраніяхъ объявляли войну; заключали мирные и торговые договоры; выбирали и низлагали духовныхъ правителей, судили поступки Князей, Посадниковъ, Тысяцкихъ и Сотскихъ и каждый изъ народа какъ дѣйствительный членъ Вѣча, былъ въ правѣ объявлять гласно свои мнѣнія касательно благосостоянія Новгорода.

Русская Правда, данная благодарнымъ Ярославомъ великодушнымъ Новогородцамъ, дала имъ поводъ въ своихъ произвольныхъ дѣйствіяхъ упираться на волю сего Великаго Князя; и его преемники, уважая память достойнаго предка, часто дозволяли Новогородцамъ простирать слишкомъ далеко свою свободу.

Неизвѣстно, когда именно устроено *Вѣче.* Первоначальныя народныя собранія отличались разсудительностію и безпристрастіемъ; но

въ послѣдствіи, когда Новгородъ ознакомился съ Ганзою, вмѣстѣ съ ея товарами переходили сюда и Нѣмецкія страсти. Мало по малу Вѣчевыя совѣщанія становились безпорядочнѣе, и въ послѣдствіи почти всегда представляли картину хаоса. *Въ теченіи ста лѣтъ*, говоритъ Высокопреосвященный Евгеній, *болѣе тридцати Князей перемѣнилось у Новгородцевъ, и рѣдкой не съ бесчестіемъ отъ нихъ былъ выгоняемъ.*

По ударенiи въ Вѣчевой колоколъ, всѣ стекались на площадь, и народные крикуны объявляли громогласно причину созванія. Угрожала ли война Новгороду — и его жители собирались разсуждать, что для нихъ выгоднѣе: миръ или война.

Рѣшались ли на первый: всѣ спокойно расходились по домамъ своимъ; объявляли ли войну: всё принимало свои мѣры, торговые

люди превращались въ воиновъ и крики: *Умремъ за Святую Софію! Кто противъ Бога и Великаго Новгорода!* раздавались по многолюднымъ концамъ Новогородскимъ. Шумъ и дѣятельность торговли обращались въ военныя приготовленія; нетерпѣніе сразиться за родину смѣшивалось съ печалію женъ и матерей: всякая изъ нихъ трепетала объ участи близкаго ея сердцу; невѣсты прощались съ нареченными женихами, и крупныя слезы красавицъ катились по нѣжнымъ личикамъ, какъ жемчугъ по гладкому бархату. Тогда прямая любовь была въ модѣ: она не походила на пороховую вспышку, и сердце дѣвушки не загоралось отъ перваго встрѣчнаго предмета. —

Былъ ли народъ недоволенъ своими сановниками: ударяли въ вѣчевой колоколъ, и судъ свершался надъ обвиненными. Часто Посадникъ, вставая съ утреннаго ложа, не думалъ

что через нѣсколько часовъ его принудятъ покупаться въ Волховѣ, а иногда и спуститься на дно онаго. Виновнаго Новгородцы сбрасывали съ моста въ рѣку, и несчастный утопалъ, если какой — либо особенный случай не спасалъ его. Домы казненыхъ рѣдко оставались въ цѣлости; раздраженные жители кидались туда на разграбленіе. Иногда несчастная жертва суда народнаго была убиваема на мѣстѣ самаго собранія, и кровь страдальцевъ утишала волненіе.

Нерѣдко несогласія, произходившія на Вѣчѣ, бывали причинами ссоръ междуусобныхъ: Софійская сторона вооружалась на Торговую, и для прекращенія драки, — надлежало разводить мостъ, ихъ соединявшій; часто одинъ конецъ города возставалъ на другой, улица вооружалась противъ улицы, и Новгородцы въ жару ссоры разскраивали другъ другу головы. Подобныя произшествія обыкновенно оканчива-

лись тѣмъ, что нѣсколько буйныхъ головъ приплачивались жизнью за порывы необузданнаго своевольства. Одна только власть Первосвятителей удерживала стремленія народной ярости, и враги снова становились друзьями — до будущей драки.

Вѣчевыя собранія почти всегда совершали противное желаніямъ и требованіямъ Великихъ Князей. Долго Новгородцы испытывали ихъ терпѣніе; наконецъ, какъ говорится: нашла коса на камень, и мощная рука сильнаго Самодержца повергнула колесо ихъ счастія. Иванъ Васильевичь III, раздраженный за сопротивленіе, оказанное Новогородцами Его волѣ, и узнавъ ихъ желанія отойти отъ Россіи и передаться Польшѣ, не замедлилъ съ своимъ воинствомъ придти къ мятежнымъ Республиканцамъ: разбилъ собранныя ими дружины, — и полагая, что для общаго спокойствія гораздо выгоднѣе вѣчевому колоколу пе-

ресслишься въ Москву, нежели висѣть надъ Волховомъ, отправилъ его въ свою столицу, и тѣмь положилъ конецъ вѣчевымъ собраніямъ, а съ ними и Новогородской вольности.

Вѣчевой колоколъ сохранился въ своемъ видѣ до 1714 года; въ сіе время его перелили въ новую форму. Впрочемъ не на одной только площади дворца Ярославова было описанное вѣче: подобныя ему бывали иногда и въ Софійскомъ Соборѣ, а во время походовъ собирались и въ войскѣ. —

Давно прошло время Новгородскаго владычества. Не стало посадниковъ, не стало Борецкихъ, но они жили въ памяти народной, украшенные всѣми прелестями воображенія; они и въ темной могилѣ еще своими именами

возвышали духъ сограждань и Новогородцы гордились великими своими Сановниками, забывъ погубныя слѣдствія свободы, они помнили выгоды оной. Сами избирали своихъ присяжныхъ и наказывали виновныхъ. Ганзейскіе товары пестрѣлись на площадяхъ Великаго Новгорода. Волховъ шумѣлъ подъ веслами барокъ, и торговля процвѣтала, какъ и прежде; Новгородскія красавицы въ своихъ пѣсняхъ народныхъ славили могущество города Великаго; юноши гордо ходили по его широкимъ улицамъ, гдѣ каждое мѣсто твердило имъ внятно о дѣлахъ знаменитыхъ ихъ предковъ. Часто еще повторялась хвастливая пословица: *кто противъ Бога и Новгорода Великаго* и пріятною гармоніею отзывались слова сіи въ душахъ Новгородцевъ, какъ отголосокъ временъ счастливыхъ и прошедшихъ.

Среди сихъ развалинъ прежняго величія жилъ знаменитый купецъ Дружининъ. Онъ

шорговалъ съ госшями иносшранными и слылъ за морями и въ Великомъ Новгородѣ купцомъ чесшнымъ, надежнымъ и богашымъ. Но не слава, не великое богашсшво веселило гражданина Дружинина; юный Андрей былъ его единсшвеннымъ ушѣшеніемъ, ошрадою сшаросши и грусшнаго одиночесшва. Дружининъ не могъ *наглядѣшься на восхишишельную красошу* своего сына, не могъ нахвалишься его познаніями въ Нѣмецкомъ языкѣ, не могъ надивишься пріяшносши очарованельнаго звука рѣчей Андрея.

Но Андрей былъ всегда задумчивъ, убѣгалъ шумныхъ бесѣдъ Новогородскихъ и любилъ мѣсша уединенныя, любилъ сидѣшь на крушомъ берегу Волхова и чишашь иносшранныя книги. Часшо сшарецъ смошрѣлъ на сына, и качалъ сѣдую свою голову, часшо спрашивалъ его съ участіемъ: »Ошъ чего шы не радосшенъ, Андрей? *или* какая нибудь кручина

лежитъ у тебя на сердцѣ?» Но Андрей бросался въ объятія родителя, цѣловалъ его и отвѣчалъ: «Пока ты живъ, родимый, не узнаетъ сынъ твой кручины злой. « — Тогда у добраго старика показывались слезы и онъ въ душѣ своей благодарилъ Всеблагаго за сына столь милаго, нѣжнаго и прекраснаго. И точно во всемъ Новгородѣ не было юноши прекраснѣе Андрея. Красныя Новогородскія дѣвушки на него заглядывались, встрѣчаясь съ нимъ на улицѣ; но Андрей никогда не примѣчалъ ихъ взоровъ; не зналъ, какъ любовались онѣ его стройнымъ станомъ, его русыми кудрями. Никогда алая лента не украшала шляпы его. Молчаливый, задумчивый, онъ рѣдко бывалъ на хороводахъ праздничныхъ.

Можетъ быть тайное предчувствіе бѣдствій, его ожидающихъ, жило уже въ душѣ юноши; можетъ быть воспоминанія утраченной славы Великаго Новгорода, наполняли гру-

стію его сердце. Часто взирая на бѣгущіе струи Волхова, Андрей думалъ: « Такъ же какъ и прежде быстро текутъ воды твои; но не тотъ уже Новгородъ украшается ими. За чѣмъ не существовалъ я во времени славы твоей, городъ могущественный и великій? — и я бы умеръ за Святую Софію, и мое бы имя было передано грядущему потомству въ пѣсняхъ народныхъ, какъ имена *Твердиславовъ* и *Борецкихъ.* » Видѣлъ ли Андрей когда величественный закатъ солнца за мрачную тучу, всегда говорилъ: Такъ закатилось твое могущественное величіе, о святая родина! за тучу грозную, которая можетъ быть скоро, со всѣми ужасами разразится надъ тобою!!! —

Дружининъ не переставалъ молиться о возвращеніи *веселія сыну любезному.* Не погасала лампада предъ образомъ Спасителя и Николая чудотворца; не отходили безъ милостыни нищіе отъ воротъ дома его. Но Ан-

дрей не дѣлался веселѣе. Пименъ былъ тогда Архіепископомъ въ Новгородѣ. Всѣ граждане любили и почитали его какъ отца. Дружининъ пошелъ къ нему и просилъ его молитвы и его совѣта. «Отпусти Андрея» — сказалъ ему Архіепископъ — «съ гостьми иностранными въ города дальные; пусть тамъ онъ побываетъ, поторгуетъ нѣсколько времени, тогда веселѣе возвратится на родину. Сердце юноши требуетъ дѣятельности, безъ нея оно тоскуетъ и мертвѣетъ, такъ какъ вода остановленная въ теченіи.« —

Прискорбна была отцу мысль отпустить неопытнаго ни въ чемъ сына, единственное утѣшеніе старости, за моря синія, въ землю далекую; но желаніе Андрея было Дружинину дороже собственнаго, и онъ, снарядилъ его въ дальнѣйшій путь, препоручилъ старому знакомому купцу Нѣмецкому, благословилъ образомъ Спасителя и словами: «Мо-

лись Богу православныхъ и Тотъ нигдѣ не оставитъ тебя; веселись, гдѣ будешь; но не забывай, что здѣсь на Руси ты выросъ и взлелѣянъ. « Андрей залился слезами, и у добраго старика такъ же навернулись слезы. » Дастъ Богъ мы опять свидимся, родимый! « сказалъ онъ, прижавъ къ груди сына, и улыбка надежды блеснула сквозь слезы, какъ блеститъ яркая звѣзда сквозь туманъ осенней ночи.

Быстро понеслась ладья внизъ по Волхову; Андрей сидѣлъ пригорюнясь—смотря на бѣгущіе берега родины. Еще блестѣлъ вдали крестъ Святыя Софіи, еще всѣ мѣста были ему знакомы. Здѣсь часто ходилъ онъ въ мечтахъ своихъ; здѣсь смотря на несущееся облако, думалъ: ты летишь въ страны далекія, мо-

жетъ быть туда, гдѣ веселѣе было бы моему сердцу; здѣсь часто, слѣдуя взоромъ за быстрыми струями Волхова, говорилъ имъ :» Куда вы бѣжите, струи чистыя? не туда ли, гдѣ живетъ моя радость?« — А теперь? — и онъ плыветъ въ страну дальнюю, неизвѣстную; но, казалось, въ Новгородѣ оставляетъ свое счастіе. Андрей перекрестился, подпялъ глаза къ чистому небу, произнесъ молитву о родителѣ и родинѣ, и отеръ слезу горячую.

Время свѣяло грусть съ лица стараго Дружинина. Онъ получилъ о сынѣ добрыя вѣсти; самъ Андрей писалъ ему изъ Любека; былъ здоровъ и съ любопытствомъ разсматривалъ городъ знаменитый. Во всѣхъ городахъ Ганзейскихъ извѣстна была честность

и надежность купца Дружинина; потому вездѣ съ дружбою принимали сына его, прекраснаго и знающаго языкъ Нѣмецкій. Торговля Дружинина шла своимъ порядкомъ; дни, мелькая однообразно, приближали его къ желанной цѣли — снова обнять любезнаго сына и услышать его разсказы о странствованіяхъ далекихъ.

Въ Новгородѣ все было спокойно и Грозный царствовалъ!.. Мрачнымъ окомъ взиралъ Іоаннъ на гордость и высокомѣріе Новогородцевъ, воспоминаніе ихъ прежней непокорности и бунтовъ наполняло гнѣвомъ его душу; готовя имъ казнь, онъ ждалъ только предлога для совершенія оной.

Характеръ Царя Іоанна Васильевича Грознаго принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ

характеровъ, кои назначаетъ, кажется, природа для ознаменованія въ нихъ всей силы своей. Рожденный въ вѣкѣ необразованномъ, среди народа грубаго, чуждаго просвѣщенію, стоявшаго на первой еще ступени гражданства, онъ явилъ способности необыкновенныя въ мудрой наукѣ правленія, и, можетъ статься, лишилъ бы Петра славы быть первымъ Государемъ въ Россіи, если бы судьба, къ нашему несчастію, не соединила всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ для совращенія его съ пути, ведшаго къ безсмертію: онъ сдѣлался тираномъ.— Разсмотримъ причины сего гибельнаго переворота.

Іоаннъ родился съ *душею способною ко всему великому*, *страстьми пылкими*, *волею сильною*: жизнь его въ обоихъ періодахъ представляетъ множество тому доказательствъ. Воспитаніе исказило сіи дары природы. Остав-

шись почти младенцемъ послѣ родителей, онъ не имѣлъ надъ собою никакого надзора. Люди, окружавшіе его, не понимали священной обязанности насаждать въ немъ правила добродѣтели, — они вперяли въ него только гибельныя мысли о его силѣ, могуществѣ, потворствовали *жестокимъ* его *склонностямъ*, исполняли всѣ прихоти, надѣясь тѣмъ снискать благосклонность будущаго Государя, и будущій Государь былъ тогда, по прекрасному выраженію Карамзина, несчастнѣйшимъ сиротою Державы Россійской. Характеръ *получилъ направленіе къ сторонѣ порока*, и зло пустило корень. Такъ въ отрочествѣ своемъ, Іоаннъ любилъ мучить животныхъ, безчинствовалъ по улицамъ, изрекалъ смертные приговоры. Всего же важнѣе то, что въ немъ поселилась ненависть къ Боярамъ, сдѣлавшаяся впослѣдствіи главнымъ поводомъ къ тиранству. Бывъ свидѣтелемъ крамолъ ихъ, бывъ *долженъ* во многихъ случаяхъ покаряться имъ и отказы-

ваться отъ своей воли (такъ въ первые лѣта его сиротства, отняли они у него не смотря на слезы и моленія любимаго имъ Телепнева, отдалили надзирательницу его Боярину Челяднину; въ глазахъ его хотѣли убить Митрополита и заставили трепетать самого; послѣ, въ торжественномъ засѣданіи Думы, напали на друга его Воронцова), видѣвъ, говорю, такія ихъ дѣйствія, онъ *возымѣлъ недовѣрчивость къ ихъ усердію,* утвердившуюся послѣ стеченіемъ другихъ обстоятельствъ и смотрѣлъ на нихъ уже всегда *очами подозрѣнія.*

На 18-мъ году отъ рожденія Іоаннъ вступилъ въ супружество съ добродѣтельною Анастасіею, но совершенно не перемѣнился ни въ чувствахъ, ни въ дѣйствіяхъ, пребылъ такимъ же, какимъ былъ до брака: нерадѣлъ о правленіи, своевольничалъ. Такъ, разгнѣвавшись на несчастныхъ Псковичей, присланныхъ къ нему

*

съ жалобами, велѣлъ лить на нихъ горящее вино, пылить бороды и проч. Въ это время явился Іерей Сильверстъ, мужъ безсмертный въ нашей Исторіи, въ Исторіи человѣчества. Онъ овладѣлъ душею юнаго Государя, пресѣкъ бездною путь, по которому шелъ сей послѣдній, и насильно оборотилъ его на путь противный, на путь добродѣтели. Іоаннъ, имѣя въ себѣ силу для всего великаго, пошелъ по оному. Сильверстъ велъ его. Адашевъ и Анастасія поддерживали. Не стану говорить здѣсь о тѣхъ блистательныхъ подвигахъ, коими онъ ознаменовалъ себя въ сіе славное для него время. Замѣчу однакожъ, что *корень зла въ Іоаннѣ, ненависть* къ *Боярамъ*, не былъ уничтоженъ. Это ясно видно въ рѣчи, которою онъ началъ новое свое правленіе.

Въ ней, прося прощенія у собраннаго со всей Россіи народа онъ рѣшительно обвиня-

етъ Бояръ въ ихъ неистовствахъ. «Родители о мнѣ не брегоша,« говорилъ онъ »а сильніе »мои Бояре и Вельможи о мнѣ не радѣша »и самовластни быша, и сами себѣ саны и »чести похитили моимъ именемъ, имъ же нѣсть »возбраняющаго, и во многіе корысти и въ хи-»щенія и въ обиды упражняхуся. Азъ же яко »глухъ и не слышахъ, и не имый во устѣхъ »своихъ обличенія юности ради моея и пу-»стоты. Они же властвоваху .... о неправед-»ніи лихоимцы и хищницы и неправедный »судъ по себѣ творяще! Что нынѣ намъ от-»вѣтъ даете, иже многія слезы на ся воздви-»госте? Азъ же частъ отъ крови сея. Ожи-»дайте воздаянія своего.« Тоже повторено Іоанномъ въ предисловіи къ Стоглаву: »навы-»кохъ ихъ злокозненнымъ обычаямъ, тая же »мудрствовати, яко же и они; и отъ того »времени, какихъ золъ не сотворихомъ предъ »Богомъ (VIII пр. 198).« Въ письмѣ къ Курб-скому Іоаннъ ясно говоритъ, какъ былъ недо-

воленъ ими во все это время, въ походѣ на казань, въ войнѣ Ливонской: »излишне« пишетъ онъ »мы миловали васъ недостойныхъ. Ужъ я не младенецъ, и проч.« — Въ Казани, по окончаніи войны, сказалъ онъ разгнѣвавшись на одного Боярина: »нынѣ оборонилъ меня Богъ отъ васъ.« — Слово важное, которое одно доказываетъ, что *искра тлилась, хотя и была заглушена .... какъ вдругъ произшествіе несчастное раздуваетъ ее,* и приготовляетъ ужасной пожаръ. Іоаннъ впадаетъ въ болѣзнь отчаянную, всѣ лишены надежды въ спасеніи его жизни; онъ при дверяхъ гроба дѣлаетъ духовную и назначаетъ новорожденнаго своего сына наслѣдникомъ престола. — Бояре торжественно отрекаются отъ присяги, говорятъ ему явно, что не хотятъ признать его сына наслѣдникомъ, и своими распрями тревожатъ послѣднія минуты умирающаго. Не должно ли это было произвести сильное впечатлѣніе въ душѣ Іоанна, и безъ того уже

недовѣрчиваго къ Боярамъ? какъ? Ему, завоевателю, законодателю, обожаемому подданными, при жизни назначают преемника, сыну готовят участь несчастнаго Димитрія! (*)

Не должно ли это было, повторяю, произвести сильное впечатлѣніе въ душѣ Іоанна? Прибавимъ къ тому, что Сильверстъ и Адашевъ, вѣроятно руководимые чувствомъ любви къ Отечеству, замѣшаны были въ связяхъ съ взбунтовавшимися Боярами, особливо первой, близкій къ двоюродному брату Іоанна, Князю Владимиру Андреевичу, которому Бояре, во избѣжаніе смуты при правленіи малолѣтнаго,

(*) Димитрій, внукъ Іоанна III, сынъ старшаго его сына Іоанна, возведенный дѣдомъ на престолъ, и послѣ умершій въ темницѣ по воцареніи дяди Василія.

законнаго наслѣдника, хотѣли предоставить престолъ. *Могъ ли Іоаннъ вѣрить кому нибудь, когда первые друзья его, учители добродѣтели, были на сторонѣ его злодѣевъ въ важную, критическую минуту его жизни?* Подозрительность и недовѣрчивость въ немъ укоренились. Сама Анастасія естественно отдалилась отъ прежнихъ любимцевъ, которые готовы были своимъ разчетамъ принести въ жертву ее и сына. Придворные, изъ зависти, старались еще болѣе очернить всѣ ихъ намѣренія, возбудить въ Царѣ соревнованіе къ разумнымъ совѣтникамъ, которые на его счетъ пользовались славою, (что ясно изъ письма Іоанна къ Курбскому). Іоаннъ, съ возмужалыми страстями, остался одинъ на пути, гдѣ поставленъ былъ насильно, удерживался до случая только начавшимся навыкомъ къ добру; но сей навыкъ слабѣлъ и прежнія искры возгарались. Такъ, поцѣловавъ руку отшельника Вассіана въ благодарность за совѣтъ » не

имѣть совѣтниковъ умнѣе себя, ибо ему должно повелѣвать, а не повиноваться, « Іоаннъ сказалъ, что самъ отецъ не могъ бы подать ему лучшаго совѣта. — Адашевъ и Сильверстъ, лишенные благосклонности, принуждены были въ послѣдствіи удалиться отъ двора. Царь дѣйствуетъ по своему произволу. Вдругъ умираетъ Анастасія, послѣдняя опора колебавшейся добродѣтели. Опора сія была толь уже слаба, что Іоаннъ, чрезъ 8 дней, позабылъ о ней и началъ пировать въ Дворцѣ своемъ. Адашевъ и Сильверстъ обвиняются въ отравленіи Царицы. Еще важный поводъ къ ожесточенію! Новые совѣтники Іоанна, пользуясь разположеніемъ его души, поднимаютъ, подъ благовиднымъ предлогомъ, гоненіе на противную сторону, на добродѣтельныхъ друзей Сильверста и Адашева, (кои уже приговорены были къ смерти), обвиняя ихъ въ неуваженіи къ Царю, властолюбіи и прочемъ. Начинаются казни. Многіе устрашенные Бояре предаются

бѣгству въ Литву. Въ войнахъ случается неудачи. Іоаннъ видитъ вездѣ измѣнниковъ, но кровопійство не утомляетъ жажды крови, какъ говоритъ Карамзинъ, и Іоаннъ дѣлается Тираномъ постояннымъ, единственно, повторяю, въ отношеніи къ Боярамъ. Нанося смертельный ударъ сыну, онъ сказалъ: мятежникъ! ты вмѣстѣ съ Боярами хочешь свергнуть меня съ престола (кар. IX, с. 353). Народъ терпѣлъ отъ него только въ періодъ Опричины. Таковъ былъ, кажется, ходъ Іоаннова характера.

Мнѣ хотѣлось показать здѣсь преимущественно, что перемѣна въ свойствахъ Іоанновыхъ была готова за долго до смерти Анастасіи, что знаменитый нашъ Историографъ слишкомъ рѣзкою уже чертою отдѣлилъ 8-й томъ своей Исторіи отъ 9-го, сказавъ, что Анастасія унесла съ собою въ могилу

добродѣтель Іоаннову, и потомъ: »приступаемъ къ описанію ужасной перемѣны въ душѣ Царя.... отселѣ начало злу,« и проч. — Зло шло постепенно. Карамзину не хотѣлось бросить темную ткань на первую блистательную половину царствованія Іоаннова, и по тому все дурное отложилъ онъ ко второй: о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ сего рода упомянулъ онъ слегка, какъ бы мимоходомъ, на другія сдѣлалъ только намѣкъ; удаленіе Сильверста и Адашева, произшествіе важное, разсказано имъ съ искуснымъ отводомъ на прежнее въ 9 томѣ, послѣ смерти Анастасіи, хотя оное случилось прежде.

Впрочемъ, есть еще точка, съ которой можно смотрѣть на Іоанна: не ужели по случаю родился онъ и дѣйствовалъ почти въ одно время съ Филипомъ II въ Испаніи (1558, 1598), Генрихомъ VIII въ Англіи (1508, 1547),

Христіаномъ II. въ Даніи и Швеціи (1513 — 1516), *Лудовикомъ XI.* во Франціи (1461 — 1483). (Въ нѣкоторомъ отношеніи можно упомянуть здѣсь и о Фердинандѣ II. въ Германіи) (1619 — 1543). Нѣтъ! пусть односторонніе писатели 18-го столѣтія и ихъ послѣдователи восклицаютъ, что дѣяніями человѣческими управляетъ случай! Мы повѣримъ лучше другимъ мыслителямъ, которые стараются доказать намъ, что міръ нравственный (историческій) подчиненъ такимъ же строгимъ законамъ, какъ и міръ физическій, — повѣримъ имъ, и признаемъ въ сихъ несчастныхъ явленіяхъ души человѣческой необходимыя орудія вѣчныхъ судебъ. Въ XVI. столѣтіи въ Европѣ должно было установиться самодержавіе на развалинахъ феодальной системы, господствовавшей со времени основанія новыхъ Государствъ, и потрясенной крестовыми походами: и вотъ, являются грозные во всѣхъ концахъ ея, на Востокѣ и Западѣ,

Югѣ и Сѣверѣ, и утверждаютъ новой порядокъ вещей.

☆ ☆
☆

Теперь обратимся къ участи Новгорода. Царь Іоаннъ Васильевичь Грозный по нелѣпому доносу на Архіепископа Пимена, пошелъ съ смертоносным легіономъ своимъ къ Новгороду. Шесть недѣль продолжалось разореніе города Великаго, шесть недѣль длились ужасныя, неимовѣрныя мученія его гражданъ. Отъ нихъ хотѣли муками вывѣдать объ измѣнѣ Пимена никому неизвѣстной — никогда не бывалой. Такъ погибло около 60,000 невинныхъ. *Кровавый Волховъ, запруженный тѣлами истерзанныхъ людей, долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро.* И знаменитый купецъ Дружининъ былъ одною изъ безчисленныхъ жертвъ.

Въ ужасныхъ мученіяхъ окончалъ онъ жизнь свою. Богатство, накопленное многолѣтными трудами, въ одну минуту было разхищено и домъ благословляемаго всѣми гражданина превращенъ былъ въ груду пепла. Наконецъ Іоаннъ оставляетъ Новгородъ и медленно пошелъ ко Пскову, сопровождаемый стономъ несчастныхъ. Блѣдныя, какъ привидѣнія, бродили Новгородцы по развалинамъ, города прежде державнаго. Каждый гражданинъ оплакивалъ кого нибудь изъ любезныхъ его сердцу. Сѣтованіе было общее — и долго плачь не умолкалъ на родинѣ Андрея; а онъ беззаботно жилъ въ Ригѣ, оканчивалъ дѣла торговыя и ждалъ зимняго пути, что бы поспѣшить къ нѣжному родителю.

Но слухъ, надобно эху, протекаетъ пространства — и въ Ригѣ заговорили о несчастіи Новгородцевъ. Андрей вострепеталъ,

сѣлъ на коня и съ сжатымъ сердцемъ поскакалъ на родину. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ Новгороду, тѣмъ достовѣрнѣе становились разсказы о убійствахъ Іоанновыхъ, и тѣмъ болѣе стѣснялось сердце юноши. — Но еще надежда, какъ зыблющійся свѣтъ угасающей лампады, мелькала изрѣдка въ душѣ его — еще онъ не вѣрилъ всѣмъ ужасамъ, о коихъ говорили — еще думалъ обнять родителя и съ нимъ вмѣстѣ горевать о бѣдствіи отчизны. Надежда всегда подруга несчастія; она поддерживаетъ человѣка въ буряхъ жизни, она и при послѣднемъ шагѣ во гробъ свѣтлой звѣздой сіяетъ еще, сквозь крeповую завѣсу неизвѣстности.

Приготовленный уже разсказами ко всѣмъ ужасамъ опалы Іоанновой, Андрей не вѣрилъ еще глазамъ своимъ; увидѣлъ пепелище Новгорода; спѣшилъ къ дому — тамъ печаль-

но чернѣлись обгорѣлыя бревна; спросилъ о родителѣ — и узналъ о несчастной его кончинѣ. Замерло сердце осиротѣвшее; какъ подъ тяжелымъ камнемъ, съ трудомъ подымалась грудь подъ кручиною. Ни одного слова не вымолвилъ Андрей. Ни одной слезой не облѣгчилъ тоску сердечную: мраченъ и печаленъ, безъ отца и родныхъ, одинъ, какъ дубъ среди зыбей песчаныхъ, стоялъ онъ среди развалинъ своего счастія. . .

Но бѣдствія сближаютъ смертныхъ; и добрыхъ людей искони было много въ Новгородѣ. Они пріютили безкровнаго; отогрѣли сердцѣ оледенѣлое. Василій Собакинъ, купецъ Новгородскій, торговалъ прежде въ домѣ со старымъ Дружининымъ. Онъ принялъ и сына его, какъ роднаго; пустилъ въ торгъ небольшой капиталъ, Андреемъ изъ Любека привезенный, и взялъ его въ товарищи. Андрей жилъ въ

домѣ Собакина, помогалъ вести счеты, ѣздилъ за старика въ Москву и Псковъ и переписывался съ гостьми иностранными. Дѣятельность и время развѣяли не много мрачную кручину Андрееву, и огонь жизни снова заблисталъ въ потухломъ взорѣ.

И на развалинахъ ростутъ цвѣты красивые; и въ печальномъ Новгородѣ блистала восхитительною красотою дочь Собакина. Каждый день видѣла Мароа печальнаго Андрея. Доброе чистое сердце ея желало утѣшить несчастнаго, облегчить его грусть — и лю-

бовъ слѣдовала за нѣжнымъ состраданіемъ, какъ пылающее солнце слѣдуетъ за денницей.

Мароа была прелестна, какъ чистая радость. Жемчугъ ли блисталъ въ каштановыхъ волосахъ ея, или простая повязка скрывала ихъ, Мароа была прекрасна, — прекрасна и въ сарафанѣ бархатномъ и въ одеждѣ вседневной. Но душа ея была прекраснѣе и ея прелестной наружности. Послѣднія бѣдствія родины дали ей оттѣнокъ тихой грусти; но окруженная съ лѣтъ младенческихъ воспоминаніями прежняго величія, нося имя знаменитой Борецкой, Мароа чувствовала, что родилась въ Новгородѣ Великомъ; кровь слившись съ молокомъ, украшала лице ея румянцомъ несравненнымъ; мужество героини, соединясь съ кротостію дѣвы, образовало въ ней душу прекрасную.

Андрей полюбилъ Мароу со всею горячностію души пылкой. Въ несчастіи человѣкъ добрѣе, въ несчастіи сильнѣе умѣетъ любить. Одна Мароа услаждала жизнь Андрея; объ ней онъ только мыслилъ. Всѣ ближніе и родные его лежали въ сырой землѣ. Далеко въ полѣ развѣялъ вѣтръ пепелъ дома отцовскаго; мечты прежнія изчезли; — но Мароа любила Андрея — и сердце юноши снова забилось для счастія. И могъ ли Андрей не любить Мароы, прелестной, доброй, чувствительной?

Говорилъ ли онъ о своихъ несчастіяхъ, всегда видѣлъ слезы на глазахъ Мароы, разсказывалъ ли прежнее величіе и славу Новгорода — выше воздымалась грудь прекрасной, ярче блисталъ огонь въ черныхъ глазахъ ея. Она слушала и на миломъ лицѣ ея отражалось каждое чувство душевное, какъ въ чистомъ зеркалѣ водъ отражается каждое облачко го-

лубаго неба. Всѣ ихъ мысли, всѣ ощущенія были, такъ сказать, близнецами одного сердца. Какъ двѣ струны, одинаково настроенныя отъ прикосновенія къ одной, трепещутъ обѣ, такъ были души ихъ: что трогало Андрея, не было чуждо Мароѣ; что любила Мароа, то восхищало Андрея. Въ тишинѣ созрѣла любовь ихъ, и честный Василій, обязанный многимъ старому Дружинину, тѣшился и веселился ею. »Когда *небо поможетъ тебѣ*« — говорилъ онъ Андрею — »и ты разживешся хотя нѣсколько, тогда построй себѣ домикъ и возьми съ Богомъ мою Мароу.«

Андрей былъ въ восторгѣ. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ перваго жаворонка, какъ вѣстника своего благополучія, ибо съ весною должны прибыть и суда съ товарами. Съ какою радостію говорилъ онъ Мароѣ: Скоро отецъ твой благословитъ насъ и ты

вѣкъ будешь моею.« Умильно взглядывала Мароа на юношу, нѣжнымъ голосомъ шептала: «Развѣ теперь я не твоя, Андрей? — ты одинъ вся моя радость, все мое счастіе!» часто она улыбалась, смотря на Андрея или слушая пылкаго юношу, и думала: не я ли одна съ его лица свѣяла кручину, не моя ли любовь подружила его съ жизнію и веселіемъ? Мысль сія наполняла чистѣйшею радостію прекрасную душу Мароы, и Андрей ей сдѣлался дороже. Такъ протекли дни ихъ въ безпрерывномъ восторгѣ, — но туча собиралась надъ главою безпечныхъ.

Іоаннъ захотѣлъ искать благополучія въ третьемъ супружествѣ. Онъ помнилъ еще добродѣтельную Анастасію, помнилъ счастливые дни, съ нею проведенные — и хотѣлъ воскресить оные. Но тогда Іоаннъ былъ еще непричастенъ крови безвинныхъ — и сердце его было спокойно и тихо. Съ душею порочною Іоаннъ хотѣлъ насладиться счастіемъ невинныхъ. Во всѣ края пространнаго Царства Русскаго *поскакали гонцы Грознаго*; отвсюду свозили красавицъ всякаго званія и рода, дочерей Боярскихъ и простыхъ крестьянокъ, богатыхъ и убогихъ. И Марѳу цвѣтущею юностію и красотою, повлекли съ двумя подругами изъ Новгорода.

О, неплачь, *Андрей любезный*, говорила Марѳа, прощаясь съ другомъ: » я не буду женою Іоанна, что во мнѣ можетъ прельстить его? Долго не увижу тебя — и глаза мои отъ

слезъ померкнутъ, щеки пожелтѣютъ, я вся изсохну, какъ сохнетъ былинка на солнце безъ росы прохладной. Выберитъ ли Іоаннъ, среди красавицъ цвѣтущихъ, несчастную?» — Но могли ли слова сіи успокоить Андрея? Онъ зналъ, что краше Мароы нѣтъ на свѣтѣ, нѣтъ ея привлекательнѣе.

Мароу повезли въ Москву. Отецъ уѣхалъ съ нею, оставя все хозяйство и торговлю на рукахъ печальнаго Андрея. Безутѣшенъ, одинокъ, остался онъ въ домѣ, гдѣ все напоминало ему прежнее благополучіе. Тамъ все было какъ прежде: такъ же пріятно пѣла малиновка въ клѣткѣ надъ окошкомъ, также чисто лоснился столъ дубовый — все было какъ прежде; но не было Мароы — и веселый домъ Собакина казался Андрею мрачнымъ гробомъ.

Не веселилъ Мареу новый для нея видъ пышной столицы; разнообразіе, пестрота, шумъ на улицахъ не занимали печальную. Она думала о другѣ, и тяжелый вздохъ изрѣдка облегчалъ тоску сердечную. Ее привезли въ Кремль, привели въ комнату, ей назначенную, разлучили съ родителемъ. Одна Ксенія, любимая подруга Мареы, привезенная вмѣстѣ съ нею изъ Новгорода, осталась при ней. Ей то повѣрила Мареа любовь свою, ей описывала своего Андрея, ей говорила о счастіи, ихъ ожидающемъ, и тѣмъ дѣлала снослѣе для себя разлуку.

» Ты еще не любила, Ксенія — часто говорила ей Мареа — » еще не знаешь сладостнаго чувства любить друга болѣе всего на свѣтѣ. О Ксенія! какъ одна нить держитъ всѣ бусы твоего ожерелья, такъ мысль объ Андреѣ связываетъ для меня все прекрасное

во вселенной. О немъ молюсь, стоя предъ иконой, о немъ мыслю и засыпая, и встрѣчая раннюю денницу. Свѣтитъ ли ясное солнце — думаю: оно грѣетъ и Андрея; вѣтерокъ дышетъ прохладой — говорю себѣ: можетъ быть, онъ игралъ съ его русыми кудрями. Разорви, Ксенія, нить твоего ожерелья и всѣ бусы упадутъ на землю: отними у меня Андрея — и свѣтъ бѣлый мнѣ будетъ могила.

Добрая Ксенія обнимая свою подругу, вмѣстѣ съ нею молила Бога, да отвратитъ отъ нихъ взоръ Іоанновъ.

Никогда Москва не видала въ нѣдрахъ своихъ столько красавицъ. Болѣе двухъ тысячь, привезенныхъ изъ разныхъ городовъ Россійскихъ, были заключены въ чертогахъ Царскихъ.

Наконецъ время избранія наступило и, сердца красавицъ *забились сильнѣе*, иное отъ страха, другое въ радостной надеждѣ. Въ баняхъ кипѣла вода съ ароматными зельями и опытныя старушки суетились, омывая юныхъ красавицъ.

Ихъ нарядили въ *одинакіе* сарафаны, красные камчатные, обшитые золотою тесьмой; жемчужная повязка покрывала волосы и русые и черные; на шеѣ бѣлоснѣжной свѣтилась запонка изумрудная. Всѣ были равно одѣты, какъ сестры родныя, что бы одежда не могла возвысить красоты природной.

Множество каретъ царскихъ съ дѣвами Русскими потянулось длинной цѣпью къ слободѣ Александровской, гдѣ жилъ тогда Іоаннъ Грозный.

✣ ✣
✣

Въ пространной свѣтлицѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, сидѣлъ Царь въ бархатномъ, дорогими каменьями унизанномъ кафтанѣ. По обѣимъ сторонамъ его стояли Рынды, которыхъ красота уподоблялась херувимамъ, они были въ бѣлыхъ длинныхъ атласныхъ кафтанахъ и въ высокихъ, опушенныхъ соболями, шапкахъ на головахъ; на правомъ плечѣ держали они маленькіе топорики съ длинными серебряными рукоятками. Они стояли потупя очи и не смѣли шевельнуться. Золотая цѣпь висѣла на шеѣ у стоящаго на правой сторонѣ трона, серебряная отличала юношу на лѣвой. Въ нѣкоторомъ отдаленіи сидѣлъ Дьякъ Царской за столомъ, парчею покрытымъ, имѣя предъ собою списокъ всѣхъ привезенныхъ Россіянокъ. Онѣ входили, одна послѣ другой, и Дьякъ читалъ имя, родину и лѣта каждой. Приближаясь къ Царю, онѣ преклоняли колѣна, клали къ ногамъ его платокъ злашошканной съ жемчугомъ, каждой съ особенной примѣтой,

и по данному Царемъ знаку удалялись. Ежели нравилась Іоанну отшедшая, онъ давалъ знакъ правому Рындѣ и тотъ бралъ оставленный платокъ; ежели не нравилась, то поднималъ лѣвый по его же знаку. Дьякъ, наблюдая повелѣніе Грознаго, по оньмъ отмѣчалъ у себя въ спискѣ.

Явилась и Мароа. Блѣдная, съ потупленнымъ взоромъ, предстала она предъ Іоанна Грознаго; преклонила колѣна и дорогой платокъ невольно ускользнулъ изъ дрожащей руки. » Мароа, дочь Василья Собакина Купца Новгородскаго, отъ роду осьмнадцать лѣтъ » — прочелъ Дьякъ, ожидая знака руки Іоанновой; но Царь въ безмолвіи любовался красотою Мароы, смотрѣлъ съ удивленіемъ на кроткую дѣву — и все еще медлилъ, хотя давно уже юноша съ златою цѣпью поднялъ богатый платокъ красавицы.

Много являлось и послѣ Мароы дѣвъ цвѣтущихъ; но рѣже поднималъ платокъ правый Рында. Недовѣрчивѣе сдѣлался взоръ Іоаннов. Блестящія очи, яркій румянецъ, пышная красота — его не плѣняли; ибо онъ видѣлъ уже красоту необыкновенную, видѣлъ кроткую, прелестную Мароу. Удалилась и послѣдняя дѣва изъ красавицъ привезенныхъ. Пересчитали платки. Болѣе двухъ тысячь лежало на лѣвой сторонѣ; на правой было только двадцать четыре.

Избраннымъ отвели покои въ теремѣ Царскомъ; прочихъ отдали на руки родственникамъ, наградивъ ихъ и богатыми платками, съ коими подходили къ трону, и сарафанами съ жемчужными повязками, въ которыхъ являлись.

На другой день продолжался выборъ тѣмъ же порядкомъ; изъ оставшихся выбралъ Царь половину — только 12, но въ томъ числѣ была и Мареа. Долго сравнивалъ красоту ихъ и пріятность, долго не могъ рѣшиться — наконецъ, отпустивъ всѣхъ, удержалъ двухъ: Евдокію Сабурову и Мареу Собакину.

Нужно ли говорить, что происходило въ сіе время въ душѣ Мареы, какъ трепетала она при каждомъ появленіи Грознаго, при каждомъ приходѣ кого нибудь изъ его царедворцевъ; ибо выбранныхъ содержали уже какъ Царицъ, не зная которая изъ нихъ удостоится сего сана. По просьбѣ Мареы, Ксенія осталась съ нею. Ея дружба утѣшала печальную. Медленно текло для нея время въ ожиданіи и страхѣ. Царь все еще медлилъ, видѣлъ Мареу, видѣлъ Сабурову; каждый день сравнивалъ ихъ — и не могъ выбрать.

Трудно сравнивать прекрасный лѣтній день съ тихою лунною ночью; блестящій разноцвѣтный водопадъ съ свѣтлымъ спокойнымъ источникомъ — но еще труднѣе сравнивать обѣихъ красавицъ.

Евдокія была прекрасна. Казалось она рождена быть Царицей: такъ высоко носила голову, такъ величественно было каждое движеніе ея прекраснаго стана. Подъ тонкими черными бровями быстро двигались глаза огненные; каждой взглядъ ихъ былъ молніей; каждое движеніе прелестно. Всегда розы пылали на щекахъ Сабуровой, всегда легкая улыбка носилась на устахъ коральныхъ.

Марѳа не имѣла блистательной красоты Сабуровой. Не огонь страсти выражалъ глаcъ ея, но кротость душевную; не яркимъ румян-

цемъ рисовались щеки прелестной, но румянецъ едва занимающейся зари. Рѣдко мелькала улыбка на блѣдныхъ устахъ и густыя длинныя рѣсницы почти всегда прикрывали глазъ спокойный. Онъ открывался только по приказанію Царя и часто Іоаннъ заставалъ въ немъ слезу еще не отертую.

Но сіи заплаканные глаза, сіи блѣдныя щеки, сіи оттѣнки грусти на лицѣ прекрасномъ, прельстили Грознаго. Блестящая, цвѣтущая Евдокія хотѣла нравиться Царю; но взоръ его плѣнился Мареой, томной и блѣдной. Радуясь жертвѣ невольной, Іоаннъ, казалось, хотѣлъ и съ наслажденіями супруга соединить утѣхи Грознаго — и выбралъ Мареу.

Свершилось! — гдѣ твое счастіе, Марѳа? — гдѣ тѣ мечты, коими тѣшила тебя надежда? — гдѣ тѣ слезы, кои такъ часто наполняли задумчивыя твои очи? одно слово, одинъ мигъ — и ты всего лишилась, и все вокругъ тебя чуждо и хладно. Открытые глаза твои безъ жизни, неподвижны, тусклы, какъ блѣдная луна, вошедшая при свѣтѣ солнца. Хладный ужасъ оковалъ чувствительное сердце, какъ морозъ оковываетъ влажную каплю, въ которой прежде такъ прекрасно отражались всѣ цвѣты неба.

Нѣсколько разъ хотѣла Марѳа броситься къ ногамъ Іоанновымъ, признаться ему въ невинной любви къ Андрею, и умолять, чтобы отпустилъ ее въ Новгородъ. Но мрачный взоръ Іоанновъ удерживалъ робкую дѣву. Мысль, симъ признаніемъ погубить Андрея, устрашала ее. — Теперь свершилось, Марѳа нарѣчена

невѣстой Царской; молитва была единствен-ным утѣшеніемъ Мареы. Часто по цѣлымъ часамъ распростертая предъ образомъ Пречистой, она моленіемъ облегчала стѣсненную грудь свою. Ксенія пеклась о подругѣ, лелѣела ее, какъ младенца, хотѣла ласками и словами утѣшить несчастную. Въ одно утро вошедшая Ксенія удивилась, увидѣвъ Мареу.

Алый румянецъ покрывалъ щеки ея, прежде блѣдныя; въ потухшемъ взорѣ блисталъ огонь небесной радости. Никогда столь прекрасною не была Мареа. Ксенія смотрѣла на нее, какъ на существо неземное.

»Ксенія — воскликнула Мареа, увидѣвъ подругу, и бросилась къ ней на шею : —» какой сонъ я видѣла въ эту ночь. Вчера долго молилась предъ образомъ Богородицы. Съ упова-

ніемъ въ сердцѣ, съ молитвою еще на устахъ, закрыла я глаза свои — и вдругъ узрѣла Пречистую. Не плачь Марѳа, сказала она мнѣ, исполни долгъ твой — награда тебя ожидаетъ; скоро, скоро, ты покинешь землю. Я преклонила колѣна, — хотѣла говорить, не могла, не отъ страха, но отъ какого-то сладостнаго чувства, которое описать тебѣ не въ силахъ. Не ослѣплялъ меня блескъ лица ея, нѣтъ! какое то спокойствіе было на немъ, которое переливалось и въ мою душу. Чѣмъ болѣе смотрѣла на ликъ Небесный, тѣмъ долѣе желала зрѣть его, и тѣмъ свободнѣе и радостнѣе чувствовала себя. — Я проснулась; сердце мое было спокойно, мнѣ было такъ легко, какъ будто я не та уже Марѳа, которая прежде изнемогала подъ кручиной тяжкой.«

Ксенія слушала съ изумленіемъ и трепетала. — Вѣдь это одинъ только сонъ, возра-

зила она. — »Сонъ, Ксенія; но такіе сны утѣшительны! О, не отнимай отъ меня надежды, что онъ исполнится, что я умру прежде, чѣмъ буду супругой Іоанна!« (*)

Съ тѣхъ поръ Марѳа перемѣнилась; казалась покойнѣе; не плакала уже о дняхъ прошедшихъ; но часто говорила съ Ксеніей о скорой своей смерти; надежда на оную дала новыя силы душѣ ея — переносить кратковременную горесть земную.

И между тѣмъ не прельщали Марѳу ни богатство, ни пышность Двора Царскаго; не веселило величіе родныхъ; она болѣла и сохла

(*) Про все это говоритъ одно древнее преданіе.

какъ цвѣтокъ осенній. Равнодушно смотрѣла на богатые подарки Іоанна, которые каждое утро приносили невѣстѣ; украшала ими монастыри и церкви и ежедневно раздавала милостыни нищимъ. Іоаннъ съ прискорбіемъ видѣлъ болѣзнь своей нарѣченной, съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея выздоровленія, и наконецъ, наскучивъ ожидать, назначилъ день свадьбы« — » Уповаю на Бога« — сказалъ онъ; — » Богъ одинъ исцѣлитъ Марѳу; пусть имянемъ Его благословитъ насъ Митрополитъ — и сіе доказательство любви моей, можетъ быть, послужитъ въ пользу болящей. » —

Назначенъ день свадьбы; чрезъ недѣлю послѣ оной должна была празноваться и свадьба старшаго Царевича съ прекрасною Евдокіею Сабуровой.

Начались приготовленія къ пышнымъ празднествамъ. Вся Россія радовалась, ожидая новыхъ милостей Царскихъ; одна Мароа трепетала. Вѣсть сія поразила ее громовымъ ударомъ. Все забытое, прошедшее, невозвратное, снова воскреснуло въ сердцѣ несчастной. Дни невинной радости еще разъ пролетѣли легкой тѣнью. Еще разъ счастіе, коего ожидала съ Андреемъ, мелькнуло молніей въ душѣ мрачной.

Мароа бросилась на шею подругѣ своей. »Ты опять возвратишься въ Новгородъ,» — сказала она ей — опять увидишь Андрея; люби его, Ксенія, утѣшъ несчастнаго. Скажи, что мое послѣднее желаніе, моя послѣдняя просьба что бы онъ жилъ и былъ счастливъ. Пусть соединятся два сердца, которыя были мнѣ такъ близки. Обѣщай, Ксенія, быть женою Андрея.« — Ксенія залилась слезами. «Не

плачь обо мнѣ, Ксенія, и я буду счастлива, счастливѣе васъ обоихъ.

Меня ожидаетъ вѣчность — и въ гробѣ отдохну я отъ страданій и горести. Такъ Ксенія, я чувствую, что ношу смерть въ груди своей, и Грозный обниметъ не супругу, а трупъ холодный.»

Пышно праздновали свадьбу Іоаннову. Безпрерывно слѣдовали празднества; вся Москва пировала во дворцѣ его. Узниковъ освободили изъ темницы; виновныхъ простили. Ежедневно давали милостыню нищимъ, одаряли церкви богатыми сосудами, а царедворцевъ богатыми кафтанами.

Не умолкали моленія во храмахъ о возвращеніи здравія Царицѣ; горы золота обѣщали искусному врачу, который исцѣлитъ Мареу. Но искуство врачей не помогало. Мареа таяла, какъ воскъ ярый; съ каждымъ днемъ слабѣла, и черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы отошла въ вѣчность. Ангелъ непорочности передалъ ее Ангелу смерти, и дѣвой скончалась Мареа, хотя въ вѣнцѣ Царскомъ. Тѣло ея положили въ дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ, подлѣ двухъ первыхъ супругъ Іоанновыхъ.

И смерть сего Ангела послужила Іоанну поводомъ къ казнямъ. Грозный объявилъ, что Марѳу извели, отравили недоброжелатели и завистники его счастія.

Подозрѣніе пало на родственниковъ первыхъ двухъ Царицъ, Анастасіи и Маріи. Множество Бояръ знаменитыхъ, даже прежнихъ любимцевъ Царскихъ, погибло въ мукахъ. Іоаннъ, по видимому, хотѣлъ облегчить скорбь свою — страданіемъ невинныхъ.

Царь женился (28 Октября) на больной Марѳѣ, надѣясь, по его собственнымъ словамъ, спасти ее симъ знакомъ любви и довѣренности къ милости Божіей; чрезъ шесть дней женилъ и сына на Евдокіи; но свадебные пиры заключились похоронами: Марѳа 13 Ноября скончалась, бывъ или дѣйствительно жертвою

человѣческой злобы или только виновницею казни безвинныхъ. Во всякомъ случаѣ Царственный гробъ ея, стоящій подлѣ двухъ супругъ Іоанновыхъ, въ дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ, есть предметъ умиленія и горестныхъ мыслей для потомства.

Весна возвратилась, запѣли жаворонки; Волховъ сбросилъ ледяныя латы; суда пришли съ товарами; но ихъ не встрѣтилъ радостный взоръ Андрея. Ксенія возвратилась въ Новгородъ; первый ея вопросъ былъ объ Ан-

дреѣ. Ей указали могилу въ березовой рощѣ. Тамъ покоились остатки страдальца; онъ умеръ, услышавъ о выборѣ Мареы.

Отецъ Мареы не переставалъ оплакивать злощастную судьбу своей дочери.

Не прельщалъ его санъ знаменитаго Боярина, онъ удалился отъ Двора, гдѣ все напоминало ему кроткую Мареу. Любопытные, можетъ быть, спросятъ, что случилось съ Ксеніей? Объ этомъ умалчиваетъ преданіе. Но я думаю, что она потосковала, и потомъ вышла замужъ за какого нибудь молодца Новогородскаго.

Протекли столѣтія. — Новгородъ забылъ казни Грознаго, забылъ, подъ счастливымъ скипетромъ *Романовыхъ*, и свои бѣдствія и свою бурную свободу!...